

Алексеев Сергей РАССКАЗЫ О ЛЕНИНГРАДЦАХ И ПОДВИГЕ ЛЕНИНГРАДА

РАЗГРУЗКА-ПОГРУЗКА

Ленинград. Город Великой Октябрьской революции. Город Ленина. С особым упорством фашисты обрушились на Ленинград.

В 1941 году, бросив в бой огромные силы, фашисты вышли на ближние подступы к городу, отрезали Ленинград от всей страны. Началась блокада. Начались страшные дни Ленинграда.

Ленинград огромный город. Второй по размерам в Советском Союзе. Один из крупнейших в мире.

На север, на юг, на восток, на запад бегут от него дороги. Разные здесь дороги: железные, шоссейные, морские пути, речные, пути воздушные. Вокзалы Московский, Балтийский, Финляндский, Витебский. Вокзал морской, вокзал речной. Аэропорт.

Оборвались теперь дороги. Отрезали фашисты Ленинград от всей нашей большой страны. Нет ни метра, ни сантиметра, ни миллиметра свободной земли, по которой можно сюда проехать.

Затихли пути железные, заглохли пути шоссейные. Корабли не выходят в море.

И всё же...

С севера от Ленинграда — фашисты, с юга — фашисты. На запад от Ленинграда лежит Финский залив. Берега его тоже в руках у фашистов. Северо-восточнее и восточнее Ленинграда находится большое Ладожское озеро. И сюда к Ладожскому озеру пришли враги. Захватили северный берег, прорвались к южному. Стали наступать вдоль восточного берега. Однако не смогли они полностью обойти озеро. Остановили их на восточном берегу советские солдаты. Часть Ладожского озера была в наших руках. Тут по воде, по озеру и вела теперь в Ленинград дорога.

Нелёгкой была дорога.

Долгим, кружным и тяжёлым путём поступали грузы в блокадный город.

Начинался их путь из города Вологды. Сюда, в город Вологду, поступали грузы со всей страны. Здесь грузились они в вагоны. Готовы вагоны. Сигнал к отправке. Пошли по железной дороге грузы.

Бегут вагоны на город Тихвин и дальше на город Волхов. Здесь, в Волхове, — стоп, остановка. Дальше железной дороги нет. Дальше дорога в руках у фашистов.

Город Волхов стоит на реке Волхов. Тут в городе Волхове грузам предстоит пересадка. Покинут они вагоны. Перейдут на речные баржи. Река Волхов впадает в Ладожское озеро. Поплывут грузы из города Волхова по Волхову к Ладожскому озеру.

Прибыли грузы в Волхов. Идёт разгрузка. Идёт погрузка. Закончилась разгрузка-погрузка. Готовы баржи. Сигнал к отправке. Поплыли грузы по реке Волхов.

Недалеко от впадения реки Волхов в Ладожское озеро стоит город Новая Ладога. В городе Новая Ладога у ленинградских грузов новая остановка. Новая остановка и новая пересадка. Речные баржи не могут идти по озеру. Опасно. Высокие волны гуляют в озере. В городе Новая Ладога предстоит разгрузить речные баржи и загрузить грузами баржи озёрные.

Прибыли грузы в город Новая Ладога. Идёт разгрузка. Идёт погрузка. Закончилась разгрузка-погрузка. Готовы баржи. Сигнал к отправке. Поплыли грузы по Ладожскому озеру.

На западном берегу Ладожского озера в пятидесяти пяти километрах от Ленинграда находится порт Осиновец. Сюда и направлялись баржи из Новой Ладоги. Сюда же, к берегу озера, к Осиновцу, была проложена

узкоколейная железная дорога. Приходят баржи в Осиновец. Новая здесь пересадка. Снимают грузы с озёрных барж, грузят опять в вагоны.

Прибыли грузы в Осиновец. Идёт разгрузка. Идёт погрузка. Готовы вагоны. Сигнал к отправке. Снова в дороге грузы.

Но это ещё не всё. Ещё впереди пересадка.

С узкоколейной железной дороги перегружались грузы, затем вновь на обычную железную дорогу.

И это ещё не всё. Ещё впереди пересадка.

Потом на машины грузились грузы.

Нелёгко их путь в Ленинград.

Путь по железной дороге через Тихвин и Волхов был в Ленинград единственным.

И вдруг — взяли фашисты Тихвин, отрезали Волхов.

Не идут к Ленинграду грузы.

ДОРОГА

Захвачен врагами Тихвин. Оборвались пути в Ленинград через Тихвин. Однако нельзя оставлять Ленинград без помощи. Было принято решение построить новую дорогу к Ладожскому озеру. Правда, не железную — очень долго железную строить. Начали строить дорогу автомобильную, дорогу для грузовых машин.

Километр за километром, километр за километром через топи, леса, чащобы, через овраги, низины, болота, там, где раньше ходил лишь зверь, где душу живую не сыщешь, — ныне прошла дорога.

Двести километров длиной дорога. Строили — двадцать дней.

— Дорогу — за двадцать дней?!

— Так точно, за двадцать дней!

Действительно, так быстро, так дружно построили здесь дорогу.

— Дорога! Дорога! Строят дорогу! — кричали Мишак и Гринька.

Живут они оба в селе Новинка. Через Новинку и тянули как раз дорогу. Начиналась она почти в ста километрах восточнее Тихвина у станции

Заборье и отсюда, обходя с севера захваченный фашистами Тихвин, шла через сёла Великий Двор, Ерёмина Гора, Новинка, Карпино к Ладожскому озеру, к городу Новая Ладога.

У села Новинки был один из наиболее трудных участков дороги. Болота кругом. Строили дорогу военные. Вышла на помощь и вся Новинка. Старый и малый, здоровый, калеченый — все оказались здесь. Опустела Новинка. Все на дороге. Мишак и Гринька тоже пришли с лопатами. Начался штурм болота. Уж сколько камней и земли здесь насыпали. Возили, возили машины землю. Таскали, таскали носилки люди. Бросали, бросали лопаты землю в бездонную хлябь.

Старались люди. Старались мальчишки. Кто-то сказал, глянув на Мишака и Гриньку:

— Гони до седьмого пота!

— Ну как? — обращается к Гриньке Мишак.

— Пропотел, — отвечает Гринька.

— Ну как? — обращается Гринька.

— Пропотел, — отвечает Мишак.

Раз пропотели, два пропотели, три пропотели.

По миллиметру растёт дорога.

— Ну как? — вновь обращается к другу Гринька.

— Вновь пропотел, — говорит Мишак.

— И я, — отвечает Гринька.

Пять пропотели раз, шесть пропотели раз. Дошли до седьмого пота. Ура! Пробилась дорога через болото.

Пробилась дорога через болото. А за этим болотом ещё болото.

И снова люди носилки, лопаты в руки. Черепахой, улиткой ползёт дорога. Покрылись люди десятым, двадцатым потом. Осилили всё же и это болото. А за этим болотом снова лежит болото. И снова работа, работа, работа...

Тянут дорогу здесь у Новинки, тянут у Карпино, у Ерёминной Горы, у Великих Дворов, тянут в других местах. Одолели люди леса и топи. От Заборья к Новой Ладоге легла дорога.

Свершилось земное чудо — дорога готова за двадцать дней.

Дорога, конечно, средняя. Не асфальт, не бетон, не гудрон.

И всё же идёт дорога.

Дорога, конечно, узкая. Не всюду разъедутся две машины.

И всё же идёт дорога.

Дорога, конечно, не очень быстрая. Хорошо, если проедешь около сорока километров в день.

И всё же идёт дорога. И всё же идут машины. Вновь идут к Ленинграду грузы.

ПЕРВАЯ КОЛОННА

В ноябре 1941 года над Ладожским озером наступили морозы. Замёрзла, остановилась дорога по воде через Ладожское озеро.

Остановилась дорога, — значит, не будет подвоза продуктов, значит, не будет подвоза горючего, не будет подвоза боеприпасов. Как воздух, как кислород, нужна Ленинграду дорога.

— Будет дорога! — сказали люди.

Замёрзнет Ладожское озеро, покроется крепким льдом Ладога (так сокращённо называют Ладожское озеро). Вот по льду и пройдёт дорога.

Не каждый верил в такую дорогу. Непокойна, капризна Ладога. Забушуют метели, пронесётся над озером пронзительный ветер — сиверик — появятся на льду озера трещины и промоины. Ломает Ладога свою ледяную броню. Даже самые сильные морозы не могут полностью сковать Ладожское озеро.

Капризно, коварно Ладожское озеро. И всё же выхода нет другого. Кругом фашисты. Только здесь, по Ладожскому озеру, и может пройти в Ленинград дорога.

Труднейшие дни в Ленинграде. Прекратилось сообщение с Ленинградом. Ожидают люди, когда лёд на Ладожском озере станет достаточно крепким.

А это не день, не два. Смотрят на лёд, на озеро. Толщину измеряют льда. Рыбаки-старожилы тоже следят за озером. Как там на Ладого лёд?

— Растёт.

— Нарастает.

— Силу берёт.

Волнуются люди, торопят время.

— Быстрее, быстрее, — кричат Ладого. — Эй, не ленись, мороз!

Приехали к Ладожскому озеру учёные-гидрологи, это те, кто изучает воду и лёд, прибыли строители и армейские командиры. Первыми решили пройти по неокрепшему льду.

Прошли гидрологи — выдержал лёд.

Прошли строители — выдержал лёд.

Майор Можаяев, командир дорожно-эксплуатационного полка, верхом на коне проехал — выдержал лёд.

Конный обоз прошагал по льду. Уцелели в дороге сани.

Генерал Лагунов — один из командиров Ленинградского фронта — на легковой машине по льду проехал. Потрещал, поскрипел, посердился лёд, но пропустил машину.

22 ноября 1941 года по всё ещё полностью не окрепшему льду Ладожского озера пошла первая автомобильная колонна. 00 грузовых машин было в колонне. Отсюда, с западного берега, со стороны Ленинграда, ушли машины за грузами на восточный берег.

Впереди не километр, не два — двадцать семь километров ледяной дороги. Ждут на западном ленинградском берегу возвращения людей и автоколонны.

— Вернутся? Застрянут? Вернутся? Застрянут?

Прошли сутки. И вот:

— Едут!

Верно, идут машины, возвращается автоколонна. В кузове каждой из машин по три, по четыре мешка с мукой. Больше пока не брали. Некрепок

лёд. Правда, на буксирах машины тянули сани. В санях тоже лежали мешки с мукой, по два, по три.

С этого дня и началось постоянное движение по льду Ладожского озера. Вскоре ударили сильные морозы. Лёд окреп. Теперь уже каждый грузовик брал по 20, по 30 мешков с мукой. Перевозили по льду и другие тяжелые грузы.

Нелёгкой была дорога. Не всегда здесь удачи были. Ломался лёд под напором ветра. Тонули порой машины. Фашистские самолёты бомбили колонны с воздуха. И снова наши несли потери. Застывали в пути моторы. Замерзали на льду шофёры. И всё же ни днём, ни ночью, ни в метель, ни в самый лютый мороз не переставала работать ледовая дорога через Ладожское озеро.

Стояли самые тяжёлые дни Ленинграда. Остановись дорога — смерть Ленинграду.

Не остановилась дорога. «Дорогой жизни» ленинградцы её назвали.

ПРАЗДНИЧНЫЙ ОБЕД

Обед был праздничным, из трёх блюд. О том, что обед будет из трёх блюд, ребята детского дома знали заранее. Директор дома Мария Дмитриевна так и сказала:

— Сегодня, ребята, полный у нас обед: первое будет, второе и третье.

Что же будет ребятам на первое?

— Бульон куриный?

— Борщ украинский?

— Щи зелёные?

— Суп гороховый?

— Суп молочный?

Нет. Не знали в Ленинграде таких супов. Голод косит ленинградцев. Совсем другие супы в Ленинграде. Приготовляли их из дикорастущих трав. Нередко травы бывали горькими. Ошпаривали их кипятком, выпаривали и тоже использовали для еды.

Назывались такие супы из трав — супами-пюре. Вот и сегодня ребятам такой же суп.

Миша Кашкин, местный всезнайка, всё точно про праздничный суп пронюхал.

— Из сурепки он будет, из сурепки, — шептал ребятам.

Из сурепки? Так это ж отличный суп. Рады ребята такому супу. Ждут не дождутся, когда позовут на обед.

Вслед за первым получают сегодня ребята второе. Что же им на второе будет?

— Макароны по-флотски?

— Жаркое?

— Бигус?

— Рагу?

— Гуляш?

Нет. Не знали ленинградские дети подобных блюд.

Миша Кашкин и здесь пронюхал.

— Котлеты из хвои! Котлеты из хвои! — кричал мальчишка.

Вскоре к этому новую весть принёс:

— К хвое — бараньи кишки добавят.

— Ух ты, кишки добавят! Так это ж отличные будут котлеты.

Рады ребята таким котлетам. Скорей бы несли обед.

Завершался праздничный обед, как и полагалось, третьим. Что же будет сегодня на третье?

— Компот из черешни?

— Запеканка из яблок?

— Апельсины?

— Желе?

— Суфле?

Нет. Не знали ребята подобных третьих.

Кисель им сегодня будет. Кисель-размазня из морских водорослей.

— Повезло нам сегодня. Кисель из ламинарии, — шептал Кашкин. Ламинарии — это сорт водорослей. — Сахарину туда добавят, — уточнял Кашкин. — По полграмма на каждого.

— Сахарину! Вот это да! Так это ж на объеденье кисель получится.

Обед был праздничный, полный — из трёх блюд. Вкусный обед. На славу.

Не знали блокадные дети других обедов.

БЛОКАДНЫЙ ХЛЕБ

Из чего он только не выпекался — ленинградский блокадный хлеб! Разные были примеси. Добавляли к ржаной муке — муку овсяную, ячменную, соевую, кукурузную. Применяли жмых — льняной, хлопковый, конопляный. Использовали отруби, проросшее зерно, мельничную пыль, рисовую шелуху и многое другое. По десять раз перетряхивали мешки из-под муки, выбивая возможное из невозможного.

Хлеб был кисловатым, горьковатым, травянистым на вкус. Но голодным ленинградцам казался милее милого.

Мечтали люди об этом хлебе.

Пять раз в течение осени и зимы 1941 года ленинградцам сокращали нормы выдачи хлеба. 2 сентября состоялось первое сокращение. Норму установили такую: 600 граммов хлеба взрослым, 300 граммов — детям.

Вернулся в этот день Валеткин отец с работы. Принёс хлеб. Глянула мать:

— Сокращение?!

— Сокращение, — отозвался отец.

Прошло десять дней. Снова с работы отец вернулся. Выложил хлеб на стол. Посмотрела мать:

— Сокращение?!

— Сокращение, — отозвался отец.

По 500 граммов хлеба в день стали теперь получать взрослые.

Прошло ещё двадцать дней. Наступил октябрь. Снова сократили ленинградцам выдачу хлеба. Взрослым — по 400 граммов на день, детям всего по 200.

Прошёл октябрь. Наступил ноябрь. В ноябре сразу два сокращения. Вначале по 300, а затем и по 250 граммов хлеба стали получать взрослые. Дети — по 125.

Глянешь на этот ломтик. А ломтик — с осиновый листик. Виден едва в ладошке. И это на целый день.

Самый приятный час для Валетки — это тот, когда с завода приходит отец, когда достаёт он из сумки хлеб.

Хлеб поступает к матери. Мать раздаёт другим. Вот — отцу, вот бабушке, бабушке, вот дольку берёт себе. А вот и ему — Валетке. Смотрит Валетка всегда зачарованно. Поражается одному: в его куске 125 граммов, а он почему-то больше других. Отцовского даже больше.

— Как же так? — удивляется мальчик.

Улыбаются взрослые:

— Мука в нём другая — детская.

ТАНЯ САВИЧЕВА

Голод смертью идёт по городу. Не вмещают погибших ленинградские кладбища. Люди умирали у станков. Умирали на улицах. Ночью ложились спать и утром не просыпались. Более 600 тысяч человек скончалось от голода в Ленинграде.

Среди ленинградских домов поднимался и этот дом. Это дом Савичевых. Над листками записной книжки склонилась девочка. Зовут её Таня. Таня Савичева ведёт дневник.

Записная книжка с алфавитом. Таня открывает страничку с буквой «Ж». Пишет:

«Женя умерла 28 декабря в 12.30 час. утра. 1941 г.».

Женя — это сестра Тани.

Вскоре Таня снова садится за свой дневник. Открывает страничку с буквой «Б». Пишет:

«Бабушка умерла 25 янв. 3 ч. дня 1942 г.».

Новая страница из Таниного дневника. Страница на букву «Л». Читаем:

«Лека умер 17 марта в 5 ч. утра 1942 г.».

Лека — это брат Тани.

Ещё одна страница из дневника Тани. Страница на букву «В». Читаем:

«Дядя Вася умер 13 апр. в 2 ч. ночи. 1942 год».

Ещё одна страница. Тоже на букву «Л». Но написано на оборотной стороне листка:

«Дядя Лёша. 10 мая в 4 ч. дня 1942».

Вот страница с буквой «М». Читаем:

«Мама 13 мая в 7 ч. 30 мин. утра 1942».

Долго сидит над дневником Таня. Затем открывает страницу с буквой «С». Пишет:

«Савичевы умерли».

Открывает страницу на букву «У». Уточняет:

«Умерли все».

Посидела. Посмотрела на дневник. Открыла страницу на букву «О». Написала:

«Осталась одна Таня».

Таню спасли от голодной смерти. Вывезли девочку из Ленинграда.

Но не долго прожила Таня.

От голода, стужи, потери близких подорвалось её здоровье. Не стало и Тани Савичевой.

Скончалась Таня. Дневник остался.

— Смерть фашистам! — кричит дневник.

«МИРАЖ»

Не гадалось. Не снилось. Не верилось.

— Подводы едут!

— Подводы едут!

Первым на ленинградской улице подводы увидел Димка.

Вышел на улицу — едут подводы. Кони ступают. Тянут телеги. Начал Димка считать подводы:

— Одна, вторая, шестая...

— Десять, пятнадцать, двадцать...

— Двадцать вторая, двадцать шестая...

Сбился со счёта:

— Тридцать седьмая, нет, тридцать шестая...

Прибежал он к соседской Нине:

— Подводы! Подводы! Сто сосчитал, и конца не видно.

Прибежал к закадычному другу Вите:

— Подводы! Подводы! Сто сосчитал, и конца не видно.

Вышли ребята на улицу. Едут подводы. Начала не видно. Конца не видно.

Сопровождают подводы люди.

Март. Небо весенним полно разливом. Ветер бежит с Невы.

— Откуда вы, дяденьки? — полезли ребята.

Прищёлкнул один языком.

— С берега дальнего, — бросил загадочно.

— Считай — с того света, — сказал второй.

Гадают ребята: откуда подводы? Ясно ребятам, что на подводах. Не скроешь от зорких глаз.

— Там хлеба горы!

— Там крупы!

— Мясо!

Откуда крупы? Откуда мясо? Хлеба откуда горы? Ленинград в блокаде. Кругом враги. Откуда, как в сказке, пришли подводы? «Считай — с того света». Как же эти понять слова?!

Гадают ребята.

Да, необычным был этот день. По улицам Ленинграда тянулся огромный обоз. За упряжкой идёт упряжка. За подводой идёт подвода. 240 подвод с продовольствием прибыло в этот мартовский день 1942 года в осаждённый врагом Ленинград.

Это был партизанский обоз. Хлеб, мясо, крупы, другое продовольствие привезли партизаны ленинградцам из районов, захваченных фашистами. Сберегли. Укрыли. Привезли ленинградцам. Пробились сквозь линию фронта. Болотами, тайными тропами проползли. Чудом каким-то остались целы.

— Получайте от нас, партизан, гостинец!

Тянется, тянется. Течёт, как река, обоз. От фашистов! Тайными тропами! Сюда — в Ленинград — обоз!

Смотрят ребята:

— А вдруг это снится?!

Смотрят ребята:

— А вдруг — мираж?!

Нет. Не мираж. Не мираж. Не снится.

Скрипят телеги. Идёт обоз.

ЮЖНОЕ ЯБЛОКО

Кате досталось яблоко. Большое-большое. Красным цветом пылает бок. Смотрит Катя, не налюбуется Катя. Ароматное очень яблоко.

Яблоко Кате принёс отец:

— На, получай. Из Таджикистана тебе подарок.

Таджикистан — одна из советских союзных республик. Далёко в Средней Азии Таджикистан. Здесь горы. Здесь много солнца. Здесь не гремит война.

Направили жители Таджикистана в осаждённый Ленинград своих посланцев. Прибыли посланцы, привезли ленинградцам подарки. Много подарков. Разные. Мясо, масло, муку, крупу. Привезли и гостинцы детям.

Получила Катя южное яблоко.

Поделилась Катя сочным яблоком с друзьями-подружками, каждому долька тогда досталась.

Прошло какое-то время. Прибегает к Кате соседка Люда. Протягивает Кате свою ладошку. Смотрит Катя — в ладошке у Люды зажат изюм.

— Кишмиш называется, кишмиш, — объясняет Люда. — Это тебе, — раскрыла она ладошку.

— Откуда?! — сорвалось у Кати. Но тут же она догадалась. — Из Таджикистана, — сказала важно.

— Нет, — отвечает Люда.

— Из Таджикистана, я знаю, — снова сказала Катя.

— Да нет же. Из Узбекистана. Из города Ташкента, — объясняет Люда.

Не ошибалась Люда. Верно — из Узбекистана кишмиш приехал. Узбекистан — это тоже одна из советских союзных республик. Далеко от Ленинграда, в Средней Азии Узбекистан. И здесь, как в Таджикистане, живут хорошие советские люди. Послали и они в Ленинград подарки. Много подарков. Разные. Мясо, масло, крупу. Изюм для детей послали. Вкусен, как мёд, изюм.

Прошло ещё какое-то время. Повстречался однажды Кате и Люде Вова. Остановился. Неторопливо полез в карманы. Из правого вынул кулёк. Из левого вынул кулёк. Кульки маленькие-маленькие. Загадочные. Протянул Кате. Протянул Люде.

— Вам, — сказал Вова.

Развернули кульки подружки. Орехи лежат в кульках.

— Из Таджикистана? — спросила Катя.

— Нет, — отвечает Вова.

— Из Узбекистана? — спросила Люда.

— Нет, — отвечает Вова.

— Из, из...

— Из Киргизии, — сказал Вова.

Верно. И из Киргизской Советской Социалистической Республики пришли в Ленинград подарки.

Из многих мест нашей большой страны — из союзных, из автономных республик, из областей, из краёв, из многочисленных городов — приходили тогда в тот голодный блокадный год в Ленинград подарки. Помогала страна героям. Советские люди — советским людям. Советские дети — советским детям.

ШУБА

Группу ленинградских детей вывозили из осаждённого фашистами Ленинграда «Дорогой жизни». Тронулась в путь машина.

Январь. Мороз. Ветер студёный хлещет. Сидит за баранкой шофёр Коряков. Точно ведёт полуторку.

Прижались друг к другу в машине дети. Девочка, девочка, снова девочка. Мальчик, девочка, снова мальчик. А вот и ещё один. Самый маленький, самый щупленький. Все ребята худы-худы, как детские тонкие книжки. А этот и вовсе тощ, как страничка из этой книжки.

Из разных мест собрались ребята. Кто с Охты, кто с Нарвской, кто с Выборгской стороны, кто с острова Кировского, кто с Васильевского. А этот, представьте, с проспекта Невского. Невский проспект — это центральная, главная улица Ленинграда. Жил мальчонка здесь с папой, с мамой. Ударил снаряд, не стало родителей. Да и другие, те, что едут сейчас в машине, тоже остались без мам, без пап. Погибли и их родители. Кто умер от голода, кто под бомбу попал фашистскую, кто был придавлен рухнувшим домом, кому жизнь оборвал снаряд. Остались ребята совсем одинокими. Сопровождает их тётя Оля. Тётя Оля сама подросток. Неполных пятнадцать лет.

Едут ребята. Прижались друг к другу. Девочка, девочка, снова девочка. Мальчик, девочка, снова мальчик. В самой серёдке — кроха. Едут ребята. Январь. Мороз. Продувает детей на ветру. Обхватила руками их тётя Оля. От этих тёплых рук кажется всем теплее.

Идёт по январскому льду полторка. Справа и слева застыла Ладога. Всё сильнее, сильнее мороз над Ладогой. Коченеют ребячьи спины. Не дети сидят — сосульки.

Вот бы сейчас меховую шубу.

И вдруг... Затормозила, остановилась полторка. Вышел из кабины шофёр Коряков. Снял с себя тёплый солдатский овчинный тулуп. Подбросил Оле, кричит:

— Лови!

Подхватила Оля овчинный тулуп:

— Да как же вы... Да, право, мы...

— Бери, бери! — прокричал Коряков и прыгнул в свою кабину.

Смотрят ребята — шуба! От одного вида её теплее.

Сел шофёр на своё шофёрское место. Тронулась вновь машина. Укрыла тётя Оля ребят овчинным тулупом. Ещё теснее прижались друг к другу дети. Девочка, девочка, снова девочка. Мальчик, девочка, снова мальчик. В самой серёдке — кроха. Большим оказался тулуп и добрым. Побежало тепло по ребячьим спинам.

Довёз Коряков ребят до восточного берега Ладожского озера, доставил в посёлок Кобона. Отсюда, из Кобоны, предстоял им ещё далёкий, далёкий путь. Простился Коряков с тётей Олей. Начал прощаться с ребятами. Держит в руках тулуп. Смотрит на тулуп, на ребят. Эх бы ребятам тулуп в дорогу... Так ведь казённый, не свой тулуп. Начальство голову сразу снимет. Смотрит шофёр на ребят, на тулуп. И вдруг...

— Эх, была не была! — махнул Коряков рукой.

Поехал дальше тулуп овчинный.

Не ругало его начальство. Новую шубу выдало.

МЕДИЦИНСКОЕ ЗАДАНИЕ

Галя Сорокина медицинская сестра. Только-только закончила медицинские курсы. Прибыла по назначению в один из ленинградских госпиталей.

Давно мечтала Галя стать медицинской сестрой. Училась прилежно. Торопила время. Ждала той минуты, когда наконец с полным правом наденет медицинский халат, представляла, как будет перевязывать раненых, как будет за ними ухаживать, как начнут её раненые нежно называть сестричкой.

Прибыла Галя по назначению.

— Медсестра?

— Медсестра, — отвечает Галя.

— Очень хорошо, — говорят Гале.

Посмотрели на Галю. Девушка стройная, крепкая, вид спортивный. Принесли, поставили перед Галей два ведра.

— Вот, — говорят, — для первого знакомства первое вам медицинское задание.

Смотрит Галя на вёдра. Понимает: что-то не то. Какое же задание медицинское с вёдрами?!

Фашисты не прекращали бомбить и обстреливать Ленинград. По только ленинградским заводам, не только ленинградским домам наносили они урон. Бомбы и снаряды попадали в мосты, обрывали электрические провода, выводили из строя водопровод, разрушали насосные станции.

В такие часы начинался общий аврал. Рабочие-мостовики начинали чинить мосты. Рабочие-электрики быстро восстанавливали повреждения на линиях электропередач. Рабочие-водопроводчики быстро меняли поврежденные трубы, быстро восстанавливали насосные станции. Не смогли фашисты нарушить нормальную жизнь города. Снова шёл электрический ток. Снова бежала вода в квартиры.

Беда пришла неожиданно. То, что оказалось не под силу фашистским бомбам и снарядам, сделали холода. Ударили сильные морозы. Замёрз, застыл, остановился ленинградский водопровод.

Страшная беда нависла над городом.

Заводам нужна вода.

Хлебозаводам нужна вода.

Больницам нужна вода.

Вода, вода, всюду нужна вода. Мёртв ленинградский водопровод.

Город спасала река Нева. Здесь в невском льду прорубили проруби. С самого утра тянулись сюда ленинградцы. Шли с вёдрами, с кувшинами, с бидонами, с кастрюлями, с чайниками. Шли цепочкой, один за одним. Старики здесь, старухи, женщины, дети. Нескончаем людской поток.

Идти на Неву за водой и было первым медицинским заданием Гали Сорокиной. Не одна только Галя, несколько их, медицинских сестёр, стали носить для госпиталя воду.

Как-то встретился Гале военный:

— Кто вы?

— Водяная сестра, — отвечает Галя.

— Кто, кто?

— Водяная сестра, — повторяет Галя.

Как-то встретился Гале гражданский:

— Кто вы?

— Водяная сестра.

— Кто, кто?

— Водяная сестра, — отвечает Галя.

Стала она и её подружки действительно водяными сестрами Так называли теперь их в госпитале.

Честно трудилась Галя. Понимала: и впрямь медицинским явилось её задание. Глоток простой студёной неводской воды был часто для раненых дорожке многих самых ценных лекарств.

Не вернулась однажды в госпиталь Галя.

Продолжали фашисты безжалостно обстреливать Ленинград. Посылали на город снаряды огромной мощности.

Попала Галя под фашистский артиллерийский обстрел. Погибла при взрыве снаряда Галя.

Похоронили Галю на Пискаревском кладбище. Тысячи здесь ленинградцев, погибших в дни ленинградской блокады. Десятки тысяч.

Пискаревское кладбище ныне — огромный мемориальный памятник. В вечном молчании, высоко-высоко поднялась здесь фигура скорбящей женщины. Цветы и цветы кругом. И как клятва, как боль — слова на граните: «Никто не забыт, ничто не забыто».

БАБУШКА

Зимой 1941 года морозы в Ленинграде стояли на редкость сильные. Ленинград в блокаде. С топливом очень плохо.

Нечем топить заводы.

Нечем театры топить и школы.

Нечем жилые топить дома.

Всё, что могли, пустили на топливо.

Нет в Ленинграде киосков. Киоски пошли на дрова.

Нет в Ленинграде сараев. Сараи пошли на дрова.

Даже деревянные дома разрешили сносить на топливо.

И всё же с топливом очень плохо. Холод волком гулял по городу. Холод вошёл в квартиры.

Лена Озолина жила в Аптекарском переулке. Квартира у них большая. Много раньше соседей в квартире жило. Сейчас же — Лена и бабушка. Нет у них больше соседей. Кто уехал, кто умер. Пуста квартира.

Морозы стоят на улице. Промёрзла, продрогла, от морозных ожогов кричит квартира. На окнах из снега нарост ледовый. Посмотришь на эти окна — от вида холод уже берёт. Стены в инее. В инее потолок. Пол, представьте, и этот в инее. Повернёшься кругом, взглядом пройдёшь по комнате — словно не комната это вовсе, а попал ты, как мамонт, в лёд.

Лена держится. Бабушке плохо. Слегла. Не подымается.

Просит:

— Укрой!

Просит:

— Укрой!

Укрывает бабушку Лена. Одеяло. Ещё одеяло. Шубой накрыта шуба. Холодно бабушке.

Вдруг притихла, умолкла бабушка.

— Бабушка! Бабушка!

Не отзывается бабушка.

Бросилась Лена из дома на улицу. Люди поднялись сюда в квартиру. Осмотрели, потрогали бабушку.

— Нет, — говорят, — жива.

— В тепло бы её. К огню.

Кто-то сказал:

— В отопительную комнату.

Были в Ленинграде тогда такие — комнаты, которые специально отапливались. На улицу — две, одна. Кто их придумал, сейчас не вспомнишь. Роль сыграли они огромную. Отопительные, или, как их ещё называли, обогревательные, комнаты многих ленинградцев спасли от холодной смерти.

Отнесли добрые люди бабушку Лены в одну из таких отопительных комнат. Отлежалась она, отогрелась, ожила. Вернулась сама домой. Всю блокаду затем пережила бабушка. С цветами Победу встретила.

БУХАНКА

Надя Хохлова, Надя Реброва — две девушки, две подружки. Живут по соседству. Рядом их улицы. На Расстанной живёт Хохлова. Реброва живёт на Лиговке. Давно они дружат. Вместе росли, вместе учились в школе. На заводе работают нынче вместе. И той и другой по шестнадцать лет.

Хорошо они трудятся. Хвалят подружек. Снаряды завод выпускает для фронта. Две нормы вырабатывает Надя Хохлова, две — Надя Реброва. В числе первых стараются быть подружки. Нелёгкие дни в Ленинграде. Есть подружкам всё время хочется.

Утром проснутся. Хочется кушать.

Бегут на работу. Хочется кушать.

Стоят у станков. О еде мечтают.

Уж так, уж так порой им хочется кушать... Голова у подружек кружится.

Мечтают подружки:

— Вот бы буханку хлеба.

— Хоть одну на двоих, — скажет Надя Хохлова.

— Хоть одну на двоих, — согласится Надя Реброва.

— Вот бы упала буханка с неба!

Возвращались как-то они с работы. Вот она, Лиговка. Скоро Расстанная. Угол Расстанной и Лиговки. Расстанутся тут подружки. Надя Хохлова ещё дальше немного пройдёт по Лиговке. Надя Реброва свернёт на Расстанную.

Идут подружки. Зима. Мороз. Сугробы снега в рост человеческий слева, справа. Час вечерний. Пустынно сейчас на Лиговке. Двое всего на Лиговке Надя Хохлова, Надя Реброва. Вечер. Зима. Мороз.

Шагают подружки. Скрип, скрип — под ногами снег. Обогнала подружек автомашина. Грузовик. Брезентом что-то прикрыто сверху. Запах почудился вдруг подружкам. Знакомый, щемящий, кричащий запах. Переглянулись подружки — так это ж хлеб!

Действительно, хлеб в машине. Торопилась машина к булочной. Смотрят подружки. Вырывается криком голод:

— Вот бы буханку хлеба.

— Хоть одну на двоих?

— Хоть одну на двоих!

Идёт, огибает машина сугробы. И вдруг просвистел, прогудел, ударил рядом с машиной снаряд. Разорвался он рядом с мотором. Разнесло кабину. Убило шофёра. Сорвало борта у машины. Посыпались буханки на мостовую чуть ли не прямо к ногам подружек.

Смотрят подружки: буханки! Хлеб! Подбежали они к машине.

Что-то шепчет: хватай, бери, не повторится такое чудо.

Но тут же и новый голос: не трогай, не смей, в каждой буханке чужая доля.

Что-то шепчет: смелей, вы одни, вспомните тех, кто дома.

Но тут же тот строгий голос: не смей на чужой беде строить свою удачу.

Наклонились подружки. Взяли по буханке. Смотрит Надя Хохлова на Надю Реброву. Смотрит Надя Реброва на Надю Хохлову. Постояли они секунду. Наклонились, взяли ещё по буханке, по две, по три. Поднялись, пошли к машине. Положили буханки опять в машину. Вскоре появились другие прохожие. Старуха какая-то, подросток, девчонка, какой-то старик, две молодые женщины. Смотрят прохожие — хлеб! Видят Хохлову, видят Реброву. Подошли, наклонились, тоже стали грузить на машину хлеб. Собрали буханки люди. Кто-то куда-то сбегал, сообщил о случившемся. Вскоре другая пришла машина. Перегрузили на эту машину хлеб. Гуднула, ушла машина.

Смотрит ей вслед Надя Хохлова, смотрит Надя Реброва. Смотрят другие люди.

И снова, и снова, и снова — до крика, до слез, до боли: хочется людям есть, хочется людям есть.

— Вот бы — буханку. Хоть одну на двоих. Хоть одну на троих, на пятерых, семерых. Хотя бы — кусочек хлеба!

ТРАМВАЙ

«Неустршимый» — его прозвали. Действительно был он отважным. Он это ленинградский трамвай.

Бегут вагоны по рельсам, наполняют город трамвайным звоном. Ходил он по Невскому, Садовой, Литейному. Спешил к заводам — к Кировскому, к Балтийскому, к Металлическому. Торопился на Васильевский остров, на Московский проспект, на Охту. Звонко бежал по Лиговке.

Много дел у трамвая было: людей — на работу, людей — с работы. Грузы — к отправке, грузы — с доставки. Если надо — бойцов перебрасывал. Если надо — снаряды к бойцам подбрасывал.

Всё хуже в Ленинграде с топливом, с горючим, с электроэнергией.

Остановился автобус. Нет горючего для автобуса.

Не ходит троллейбус. Нет электроэнергии для троллейбуса.

Только он, трамвай — коренной ленинградец, бегают.

Беспокоятся жители. Тревожатся за трамвай. Утром выходят на улицы, смотрят, ходит ли их трамвай.

Радость на лицах:

— Ходит!

Нелегко приходится трамваю. Под огнём фашистов ходил трудяга. Провода обрывало. Корёжило рельсы. Даже в трамвай попадали порой снаряды. Разносило вагоны в щепы.

Тревожились жители. Беспокоятся за трамвай. Просыпаются утром: ходит ли их трамвай?!

Радость на лицах:

— Ходит!

Но вот к концу 1941 года совсем плохо стало с электроэнергией в Ленинграде. Всё реже и реже выходит трамвай на линии.

В январе 1942 года остановился, заглох трамвай. Замерли стрелки. Ржавеют рельсы.

— Остановился!

— Всё!

Оборвалось что-то в душе у ленинградцев. Уходило с трамваем многое.

Истощены, измучены блокадой и голодом ленинградцы. И всё же:

— Восстановим, пустим трамвай, — сказали.

Пустить трамвай — это значило: надо добыть топливо для городской электростанции. Достали его ленинградцы. Нет хорошего угля — стали собирать «местное топливо»: угольную пыль, древесные отходы, простую бумагу, строительный мусор.

Пустить трамвай — это значило: надо на электростанции создать специальный котёл для «местного топлива». Собрали, создали ленинградцы такой котёл.

Работали дружно. Все. Взрослые. Дети. Рабочие и инженеры. Художники и музыканты.

Пустили трамвай ленинградцы.

15 апреля 1942 года он снова пошёл по городу. Бежит он по рельсам, наполняет город весёлым трамвайным звоном.

Любуются люди:

— Смотри — пошёл!

— Пошёл!

— Пошёл!

Бежит, бежит по Ленинграду ленинградский трамвай. Вместе со всеми живёт и борется.

ЛЕНИНГРАДСКАЯ ПОХОДКА

У ленинградцев выработалась своя походка. Особая. Неповторимая. Ленинградская.

Голод и холод делали своё дело. Сил у каждого становилось всё меньше и меньше. Люди стали ходить всё тише и тише. Шаг у ленинградцев стал размеренный, движения плавные. Идут, не торопятся. Не обгоняют друг друга. Экономят свои силы. Даже дети и те потеряли свою обычную резвость. Глянешь на них — не дети это вовсе, маленькие старички чинно идут по улицам.

Прибыл однажды с Большой земли на один из ленинградских заводов специалист из Москвы. Завод знаменитый — Кировский, бывший Путиловский. Наслышался московский специалист про ленинградскую походку ещё в Москве. Говорили ему про ленинградцев:

— Ходят тихо. Движения плавные. Берегут силы.

Потом, когда летел в Ленинград — а летали в то время из Москвы в Ленинград не прямо, а кружным путём, обходя районы, захваченные фашистами, — опять услышал он о ленинградской походке:

— Берегут силы. Ходят плавно. Движения тихие.

Прибыл специалист в Ленинград на Кировский завод. Интересуется планами. Думает: наверно, сниженные здесь планы. Видит — нормальные планы. Интересуется: как же они выполняются? Узнаёт — в срок выполняются. Мало того — перевыполняются даже планы!

Удивился московский гость. Про себя подумал: «Вот так походка тихая. Вот так движения плавные».

Возможно, это только здесь, на Кировском заводе, решил московский специалист. Побывал на других заводах. Но и там, на других заводах, выполняются точно и даже досрочно планы. Для нужд фронта, для войск, обороняющих Ленинград, трудятся ленинградские рабочие. Танки, пулемёты, мины, гранаты, разное другое вооружение выпускают ленинградские заводы. Не отстают они в сроках. Широк их рабочий шаг.

Вернулся специалист в Москву. Спрашивают у него:

— Что видел? Что слышал? Как ленинградская походка?

Рассказал специалист о том, как сражается Ленинград, о работе Путиловского завода; рассказал о других заводах.

— Нормальная, отличная походка, — сказал о походке. — Ленинградский надёжный шаг.

ПОБЫВАЛИ

Фашисты продолжали штурмовать Ленинград.

Смотрят фашисты в бинокль. Дома и улицы города видят. Шпиль на соборе Петропавловской крепости разглядывают. Адмиралтейскую иглу рассматривают. Мечтают они о том, как прошагают по ленинградским проспектам — по Невскому, по Литейному, пройдут вдоль Невы, вдоль Мойки, Фонтанки, мимо Летнего сада, прошагают по знаменитой Дворцовой площади. Верят фашисты к успеху, в победу.

Побывали они в Ленинграде. Вот как случилось это. Не взяв город «в лоб», фашисты решили обойти Ленинград с востока. План у фашистов теперь такой. Восточнее Ленинграда прорвутся они с левого южного берега Невы на северный — правый. И отсюда уже по правому берегу ворвутся в город.

Убеждены фашисты, что тут, на правом берегу Невы, мало советских войск, что тут и откроется путь к Ленинграду.

Начали фашисты переправу через Неву ночью. Рассчитали: к рассвету будут они в Ленинграде. Представляется фашистам Ленинград. Вот идут они по Невскому, по Литейному, шагают вдоль Невы, вдоль Мойки, Фонтанки, мимо Летнего сада, идут по Дворцовой площади. А вот и шпиль на соборе Петропавловской крепости. А вот и Адмиралтейская игла, как шпага, пронзает небо.

Погрузились фашисты на плоты. Оттолкнулись от берега. Река Нева не длинная. Всего-то в ней 74 километра. Не длинная, но широкая. Широкая и полноводная. Вытекает она из Ладожского озера, течёт в сторону Ленинграда и там, где стоит на её берегах Ленинград, впадает в Финский залив Балтийского моря.

Переправляются фашисты через Неву, достигли уже середины. И вдруг с правого берега обрушился на фашистов ураганный огонь. Это стала стрелять наша артиллерия. Это ударили советские пулемёты. Точно стреляли советские воины. Разгромили они фашистов, не пустили на правый берег. Гибнут фашисты, срываются с плотов в воду. Подхватывает Нева трупы фашистских солдат, несёт на волнах, несёт на плотках вниз по течению.

И вот — свершились мечты фашистов. Оказались они в Ленинграде. Точь-в-точь как хотели, как раз к рассвету. Проплывают фашисты мимо Летнего сада, мимо Фонтанки, Мойки, рядом с Дворцовой площадью. А вот и шпиль Петропавловской крепости. А вот и Адмиралтейская игла всё так же шпагой пронзает небо. Всё точно так, как мечтали о том фашисты. Разница лишь в одном. Живыми мечтали вступить они в Ленинград. Живыми.

А тут...

Несёт свои воды река Нева. Плывут в последний свой путь фашисты.

«МЕССЕРШМИТТ» И «ПАНТЕЛИ»

Авиация. Разные тут самолёты. Есть истребители, есть разведчики, прославились грозные советские штурмовики. Есть бомбардировщики лёгкие, средние, тяжёлые, дальние. Есть ночные бомбардировщики. Есть самолёты морские, есть санитарные, есть просто учебные. Много различных типов. Много различных марок. Есть Илы, есть Яки, есть МиГи, есть Ла. Есть Пе-2, есть знаменитый По-2, есть, наконец, Ли-2. Ли-2 — пассажирский, грузовой самолёт.

Лётчик Пантели был как раз командиром на грузовом Ли-2.

Ли-2 — самолёт по тем временам вместительный. Удачным считался, надёжным. Два крыла, два винта, два мотора, два пилота сидят в кабине. Слева в кресле сидит пилот, справа сидит пилот. Тот, кто слева, и есть командир воздушного корабля. Слева сидит Пантели.

Отважен Пантели. Влюблён он в небо, в моторный гул. Всех, кто летает, всё, что летает, Пантели безумно любит.

А вот Ли-2 почему-то не очень любит. К другому лежит у него душа. Истребитель в душе Пантели. Об истребителе он мечтает. Вот где простор, размах. Вот где бои с противником. Мечтает с фашистами лётчик биться. А тут — грузовой Ли-2.

Правда, есть на самолёте воздушный стрелок. Есть пулемёт у стрелка воздушного. Но ведь сам самолёт того... «Грузовая бочка» — называет его Пантели.

В декабре 1941 года лётчик Пантели на своём Ли-2 прибыл под Ленинград. Перебрасывал грузы через Ладожское озеро. Были самые трудные дни Ленинграда. Автомобильная дорога через Ладожское озеро только

налаживалась. Лётчики и до этого помогали ленинградцам. Теперь их помощь важна вдвойне. На грузовых самолётах доставляли лётчики в Ленинград продукты, боеприпасы, вывозили больных и раненых.

Не обеспечишь, конечно, по воздуху нужды миллионного города. Тем важнее любой полёт. Не знали в те дни самолёты отдыха. Летали лётчики в три усталости.

Фашисты всячески старались сорвать эту помощь Ленинграду по воздуху.

Начали фашистские истребители охоту за советскими транспортными самолётами. Нередко сбивали наших.

Однажды в небе над Ладожским озером фашистский истребитель «мессершмитт» атаковал и Ли-2 Пантели. Стояла зима. Льдом искрилась внизу Ладога.

Сошлись фашист и советский лётчик. Завязался воздушный бой. Ли-2 тихоход. Ли-2 — самолёт-мишень. Атакуют его фашист. Не будет ему пощады.

Вот-вот и конец Ли-2. Но что такое?! Ушёл от огня Ли-2. Успел отвернуть самолёт Пантели.

Пронёсся стрелой «мессершмитт». Разворот, ещё разворот. Снова готов к атаке. Ринулся коршуном, ринулся ястребом. Из пулемётов снова открыл огонь.

Вот-вот и конец Ли-2. Но что такое? Ушёл от огня Ли-2. Успел отвернуть самолёт Пантели.

Разозлился фашистский лётчик. Вновь разворот, иммельман, разворот. Снова готов к атаке.

И вдруг... Что такое?! Ли-2 ринулся сам в атаку. Опередел он фашиста. Припал к пулемёту воздушный стрелок. Первым открыл огонь. Секунда. Нет, меньше секунды. Вдрогнул фашистский истребитель, затем на миг словно застыл на месте и тут же «клюнул» носом и стремительно рухнул вниз. Пробил он лёд на Ладожском озере, блеснул, махнул хвостом и исчез в пучине.

Шутили потом на Ладоге: самолёт-истребитель, мол, появился новый.

— Марки какой?

— «Пантели»!

ПУБЛИЧНАЯ БИБЛИОТЕКА

Ленинградская публичная библиотека одна из самых больших в мире. Публичная означает народная, то есть библиотека для всех, для многих. Тысячи и тысячи различных книг хранятся в Ленинградской публичной библиотеке.

Много всегда здесь читателей. Даже в самые тяжёлые дни ленинградской обороны, когда наступили страшные холода, когда прекратилась подача воды, когда погас электрический свет в Ленинграде, не закрылась, продолжала работать Публичная библиотека. При фонарях, при свечах, при керосиновых лампах работала Ленинградская публичная библиотека.

Появились новые читатели у библиотеки. Библиотекарша старушка Гликерия Сергеевна, как и всегда, стояла на выдаче книг. И вот как раз входит один из таких новых читателей. Молодой. Рослый. В военной форме.

Говорит:

— Здравствуйте!

Спрашивает:

— Можно у вас получить книгу Николая Островского «Как закалялась сталь»?

— Можно, — отвечает Гликерия Сергеевна.

— А можно — повесть «Дубровский» и стихи Александра Сергеевича Пушкина?

— Можно, — отвечает Гликерия Сергеевна.

— А можно — романы Александра Дюма «Три мушкетёра» и «Двадцать лет спустя»?

— Можно и «Три мушкетёра». Можно и «Двадцать лет спустя».

— А можно... — И военный стал называть книгу за книгой. Тут и роман «Война и мир» Льва Толстого, и роман «Тихий Дон» Михаила Шолохова, и стихи Михаила Лермонтова и Тараса Шевченко, и басни Крылова, книги Жюль Верна, Джека Лондона, «Хижина дяди Тома» американской

писательницы Бичер Стоу и много других книг, даже детская книга «Приключения Тома Сойера».

Смотрит удивлённо Гликерия Сергеевна на военного — впервые такой читающий у неё читатель.

— Это всё вам? — спрашивает библиотечарша Гликерия Сергеевна.

— Мне, — отвечает военный.

Стала Гликерия Сергеевна доставать книги. Достала «Как закалялась сталь» Николая Островского, достала «Войну и мир» Льва Толстого, достала стихи Александра Сергеевича Пушкина.

— Простите, — говорит военный, — а нет ли у вас Пушкина на армянском языке?

Посмотрела Гликерия Сергеевна искоса на военного.

— Есть, — говорит, — и на армянском языке.

— Отложите мне на армянском.

Продолжает пожилая библиотечарша подбирать для военного книги. Достала Толстого, достала Шолохова, достала стихи Тараса Шевченко.

— Простите, — вдруг говорит военный, — а нет ли у вас Тараса Шевченко на грузинском языке?

Вскинула Гликерия Сергеевна глаза на военного:

— На грузинском?

— Да, на грузинском.

— Простите, должна проверить.

Проверила.

— Есть, — говорит, — стихи Тараса Шевченко на грузинском языке.

— Будьте любезны, отложите, — просит военный.

Принесла Гликерия Сергеевна стихи Тараса Шевченко на грузинском языке.

— И на украинском тоже, — сказал военный.

Принесла на украинском. Вновь подбирает книги. Достала Жюль Верна, достала Джека Лондона, вынула «Хижину дяди Тома».

— Простите, — вдруг говорит военный, — а нет ли у вас «Хижина дяди Тома» на татарском языке?

Вскинула снова Гликерия Сергеевна удивлённо глаза на военного:

— Минутку. Должна проверить.

Куда-то ушла. Вскоре вернулась.

— Есть, — говорит, — на татарском языке «Хижина дяди Тома».

Принесла она «Хижину дяди Тома». Смотрит опять на военного. Поразительный из поразительных прямо читатель.

— Это всё вам? — спрашивает библиотекарьша.

— Мне, — отвечает военный. И уточняет: оказывается, лечится он в одном из ленинградских госпиталей, пришёл в библиотеку с просьбами от раненых товарищей.

— Ах вот как, — сказала Гликерия Сергеевна.

Засуетилась она, заторопилась. В стопки собрала книги. Перевязала, даёт военному.

— Приходите, — говорит, — приходите. Рады всегда вас видеть.

Из многих ленинградских госпиталей приходили в те дни за книгами в Публичную библиотеку. Просили книги на русском и украинском языках, на белорусском, армянском, киргизском, узбекском, азербайджанском, башкирском, таджикском и многих других языках.

Поражалась Гликерия Сергеевна. Сколько разных бойцов, сколько разных национальностей защищает её родной Ленинград.

И это верно. Вся страна помогала Ленинграду. Вся страна Ленинград защищала.

ГЕНЕРАЛ ФЕДЮНИНСКИЙ

Генерал Иван Иванович Федюнинский был одним из героев обороны Ленинграда. Это его войска не пустили фашистов к Волхову. Это 54-я армия, которой он командовал, вместе с другими громила фашистов под городом Тихвином.

Ещё в январе 1942 года советские войска предприняли первую попытку прорвать блокаду Ленинграда.

Знали об этом в Ленинграде. Пошли по городу разговоры:

— Наши идут к Ленинграду.

— Скоро пробьются наши.

По это было не так. Не смогли тогда одолеть фашистов советские войска. Не было достаточных сил у наших.

Не пробрили советские армии ни зимой, ни весной 1942 года дорогу к осаждённому Ленинграду.

По-прежнему Ленинград оставался в блокаде.

Как-то после весенних боёв 1942 года генерал Федюнинский направился в одну из своих дивизий. Поехал генерал на танке. Для удобства надел ватную фуфайку, на голову простую солдатскую шапку-ушанку.

Танк шёл по железнодорожной насыпи.

Распутица. Размокла, раскисла кругом земля. Лишь насыпь одна пока сохраняла твёрдость. Неважное настроение у Федюнинского. Не пробились наши войска к Ленинграду.

По дороге в дивизию и повстречал генерал солдата. Солдат был из пожилых. Хитринка в глазах играет.

Бывалый, видать, солдат. Посмотрел на него Федюнинский. Ватная фуфайка на солдате — точь-в-точь такая, как на самом Федюнинском. Шапка-ушанка на голове — простая, солдатская, такая же, как на голове генерала Федюнинского.

Остановились генерал и солдат.

— Здравствуй, земляк, — произнёс солдат. Не думал, что по шпалам шёл генерал.

— Здравствуй, — ответил Федюнинский.

Решил Федюнинский закурить. Полез в карман. Достал пачку папирос, протянул солдату.

— Ну и даёшь! — произнёс солдат. Папиросы в то время, особенно здесь, на фронте под Ленинградом, были почти как чудо.

Покрутил папиросу в руке солдат, посмотрел на Федюнинского, на фуфайку, на шапку солдатскую, сказал:

— Ты, видать, земляк, близко к начальству ходишь.

Ясно Федюнинскому: не признал за генерала его солдат.

— Бывает, — усмехнулся Федюнинский.

— В ординарцах небось гоняешь?

— Да так... — смутился, не знал, что ответить ему, Федюнинский.

Понравился солдат генералу. Разговорились они. О том о сём, какие вести идут из дома.

Затем речь пошла о недавних боях.

— Не получается что-то, — сказал солдат. И тут же: — Ничего, не сразу оно, земляк. Сегодня не удалось, завтра удастся. Помяни: лёд под напором всегда проломится.

Поднял глаза Федюнинский.

— Это уж точно скажу, земляк. Слову поверь. Сил не жалея проломится. А что там начальство думает?

Улыбнулся Федюнинский:

— Считает, проломится. Считает, получится.

— Вот видишь, — сказал солдат.

Возвращался Федюнинский в штаб, всё о солдате думал.

— Сил не жалея. Проломится, — повторял генерал Федюнинский.

НАЧАЛОСЬ

Наступил январь 1943 года. Крупных военных успехов достигла к этому времени Советская Армия. Под городом Сталинградом была окружена огромная 330-тысячная фашистская армия, которой командовал генерал-фельдмаршал Паулюс. Ещё дальше советские войска отогнали фашистов от Москвы. Нанесли поражение врагам и в ряде других мест. Пришло время с новой силой ударить по фашистам и здесь под Ленинградом.

Разгромить фашистские войска южнее Ладожского озера, прорвать в этом месте блокаду Ленинграда — таким был приказ. Удар должны нанести два фронта. Со стороны Ленинграда и реки Невы войска Ленинградского фронта. Со стороны реки Волхов и города Волхова войска Волховского фронта.

12 января 1943 года наступление началось.

Правый берег реки Невы. Чуть ниже того места, где Нева вытекает из Ладожского озера. Здесь сосредоточились готовые к атаке войска Ленинградского фронта. Среди них и 136-я стрелковая дивизия, которой командует генерал Симоняк. Напротив на левом берегу находятся фашисты. Рядовой Метальников служит как раз в этой дивизии. Стоит он в одной из колонн. Представляет картину скорого боя. Сражение начнут артиллеристы. Туда, на левый берег Невы, кроша укрепления врага, обрушатся сотни и сотни снарядов. Затем подыметя в бой пехота. Рота, в которой служит Метальников, а вместе с ней и другие роты, батальоны, полки и вся их дивизия, а также и те дивизии, которые стоят слева и справа, устремятся вперед, понесутся по льду Невы, достигнут левого её берега. И вот тут уже на левом берегу и начнётся главный прорыв обороны противника, главный начнётся бой.

Январь. Мороз. Холод стоит на улице. Температура — 25 градусов ниже нуля. Деревья застыли в инее. Стоят как на снимке. Как в дивной сказке. Смотрит на них Метальников. Ударят сейчас снаряды. Ураганом пройдут по лесу. Обрушится иней с веток. Померкнет, исчезнет сказка.

И вот — 9 часов 30 минут утра. Ударили наши пушки. Крушат они левый берег. Приблизилась ближе к реке наша пехота. Сигнала к атаке ждёт.

Ждёт и Метальников. Глянул налево, глянул направо. Что там такое справа?! Видит Метальников медные трубы. Одна, вторая, третья, четвёртая. Поменьше, побольше, ещё побольше, совсем огромная. За этими трубами снова трубы. И дальше трубы. И снова трубы. Ясно солдату — стоит оркестр.

Смотрит Метальников — поражается.

Рядом стоит рядовой Науменко. Смотрит Науменко. Поражается.

Рядом стоит сержант Петросян. Смотрит сержант Петросян. Поражается.

Рядом другие стоят солдаты. Смотрят солдаты. Трубы! Оркестр! Поражаются.

Громят, громят, крушат орудия левый берег. И вдруг, перекрывая раскаты орудий, заглушая разрывы снарядов, загремел над Невой оркестр. Прислушались солдаты — Интернационал.

— Ура! — пронеслось над колоннами.

Рванулись вперёд солдаты. Рванулся Метальников. Рядом бежит Науменко. Рядом бежит Петросян. Рядом другие бегут солдаты. Бежит, бежит Метальников. Всё громче, всё громче звучит оркестр. Пронесаясь в сознании у Метальникова слова из Интернационала:

«Кипит наш разум возмущённый...»

«Никто не даст нам избавленья...»

«Чтоб свергнуть гнёт рукой умелой,
Отвоевать своё добро,
Вздувайте горн и куйте смело,
Пока железо горячо!»

Бежит, бежит Метальников. Бегут, несутся другие солдаты.

«Кипит наш разум возмущённый
И в смертный бой вести готов».

МОНБЛАН И ВАВИЛОВ

Вместе с другими к левому, занятому фашистами берегу Невы бежал и солдат Вавилов. Недоволен Вавилов. Только прибыл, думал, немедленно в бой, а тут — учения.

— Какие ещё учения, — бурчит Вавилов. — Что я — школьник, курсант, студент? Воевать я с фашистами прибыл. Нет тут времени на учения.

Со странного начались их учения. Построили солдат. Вручили солдатам ведра. Выбрали рядом крутую гору. Поливайте водой, мол, гору. Полили солдаты гору. Схватил ледяной коркой её мороз. Стала скользкой гора, прескользкой. Хоть садись и катись с горы.

— Что мы, дети — кататься с горы, — бубнил Вавилов. — Что здесь, армия или детский сад?!

Развеселились солдаты и впрямь, как дети. Стали с горы на ногах, на боках съезжать.

— Отставить! — прошла команда.

Другая дана команда. Приказали солдатам по ледяному настилу на гору лазить.

Стали солдаты брать ледяную гору. Не даётся гора, упрямится. Взбегали солдаты на четверть, на треть горы, до половины добрался кто-то. Однако чтоб выше, чтоб дальше, чтобы до самого верха — нет таких ловких среди солдат. Съезжают солдаты назад под гору.

— Монблан, Казбек, — говорят солдаты. Монблан — это самая высокая вершина в Альпийских горах, Казбек — одна из вершин Кавказа.

Вавилов тоже на гору ринулся. Разбежался. На треть, даже чуть выше, влетел. Ещё шаг, ещё два. Но тут заскользил. Закачался. Рухнул. Скатился солдат с Монблана. Шишку себе набил. Поднялся, стоит ругается.

Ясно солдатам: не взять им гору.

— Отставить, — снова прошла команда.

Выдали после этого солдатам лестницы, верёвки, канаты, железные «кошки», крючки, багры.

Снова команда: вперёд на гору. Легче стало солдатам на гору теперь взбираться, помогают верёвки, крючки и «кошки».

Целый день штурмовали солдаты гору. Акробатами прямо стали. Кончилось тем, что взлетали солдаты волной на её вершину. Раз — и взята вершина.

В чём же дело? Зачем ледяная гора солдатам?

Левый берег реки Невы, который предстояло штурмовать нашим солдатам, был высоким, обрывистым. Решили фашисты сделать его и вовсе для наших войск неприступным. Облили они водой невские кручи. Образовались здесь ледяные горы.

Через эти горы и предстояло прорваться советским бойцам. Вот и создали наши командиры специальные отряды в помощь штурмующим. Вот и попал Вавилов в такой отряд.

Началось наше наступление. Протрубили атаку трубы. Устремились вперёд солдаты. Бегут по невшскому льду, опережая других, и штурмовые отряды. Тащат солдаты лестницы, «кошки», багры, верёвки. Стреляют фашисты. Понимают, что в этих лестницах, этих баграх и «кошках» кроется смерть для них, для фашистов.

Так и есть. Добежали солдаты до ледяных обрывов. Заработали лестницы, «кошки», багры, верёвки. Преодолели солдаты скользкие горы. С криком «Ура!» ворвались в фашистские окопы.

Солдат Вавилов в числе первых влетел на кручи. Застыл над обрывом. Взглядом секундным на кручи глянул: «Вот ведь куда взмахнул!»

Вспомнил боец про Монблан, про учебную гору. И, уже устремляясь вперёд в атаку, что есть сил прокричал:

— Спасибо!

«МАЛЮТКА»

«Малютка» — это танк. Танк Т-60. Он и вправду малютка по сравнению с другими советскими танками. Экипаж такого танка состоял всего из двух человек.

Прорывать фашистское окружение под Ленинградом советским войскам помогали танки. В том числе и «Малютки». Прославились в этих боях «Малютки». Меньше они размером. Увёртливее. Места под Ленинградом сырые, болотистые. Легче «Малюткам» держаться на болотистом, топком грунте.

Особенно отличился танк, командиром которого был лейтенант Дмитрий Осатюк, а механиком-водителем — старшина Иван Макаренков. Сдружились они командир и водитель танка. С полуслова, без слов понимали друг друга.

Переправились бойцы Ленинградского фронта по льду через реку Неву, взяли штурмом береговые укрепления фашистов, стали прорываться вперёд на соединение с идущими им навстречу от реки Волхов и города Волхова войсками Волховского фронта. Рвалась вперёд и «Малютка» Осатюка.

Наступает «Малютка», и вдруг слева, справа и впереди выросли перед «Малюткой» три огромных фашистских танка. Как в западне «Малютка». Расстреляют «Малютку» фашистские танки. Пустят снаряды — прощай «Малютка».

Припали фашисты к своим прицелам. Секунда, и в цель полетят снаряды.

Видит беду лейтенант Осатюк.

— Ваня, танцуй! — прокричал водителю.

Понял команду механик-водитель Иван Макаренков. Завертелся перед фашистами, словно в танце, советский танк.

Целят фашисты, а танк танцует. Никак не схватишь его в прицел.

— Давай кабардинку! Давай лезгинку! — кричит Осатюк.

Глянешь в эту минуту на танк, и вправду — лезгинку танцует танк.

Стреляют фашисты, стреляют — всё мимо. Увёртлив советский танк. Маневрировал танк под огнём фашистов, вышла «Малютка» из окружения.

Устремились в погоню за ней фашисты. Настигают, бьют из орудий. Да только зорко следит за врагами лейтенант Осатюк. Сам отвечает огнём на огонь фашистов. Механику-водителю подаёт команды. Маневрирует танк: то рванётся вправо, то развернётся влево, то чуть притормозит, то ускорит шаг. Не даётся «Малютка» фашистам в руки.

Лейтенант Осатюк не просто уходил от огня фашистов. Он вёл фашистские танки к тому месту, где были укрыты советские батареи.

Вывел. Ударили батареи. Секунда, вторая. И нет уже больше фашистских танков.

Восхищались потом батарейцы:

— Ай да «Малютка», вот так «Малютка»! Мал золотник, да дорог!

Говорили тогда бойцы:

— Орёл — лейтенант Осатюк!

— Орёл — старшина Макаренков!

И после этого «Малютка» лейтенанта Осатюка совершила немало подвигов. Давила пулемётные гнёзда врага, отважно шла на фашистские пушки, в гущу фашистских солдат врывалась. Более двухсот фашистов уничтожила в этих боях «Малютка».

И снова о танке идёт молва:

— Цены ему нет, бесценен!

И снова среди солдат:

— Орёл — лейтенант Осатюк!

— Вровень ему старшина Макаренков!

Героями Советского Союза стали лейтенант Дмитрий Иванович Осатюк и старшина Иван Михайлович Макаренков. Прославил фамилии эти танк. Прославили танк фамилии.

ДИВИЗИЯ

Ещё с зимы 1941 года среди фашистских солдат ходил слух, что под Ленинград на Волховский фронт прибыла целая дивизия охотников-сибиряков.

— Они со ста метров белке в глаз попадают, — шептались фашистские солдаты.

Глаза велики от страха:

— Они в полёте сбивают муху.

Узнали наши бойцы про целую дивизию, про муху — немало смеялись.

— Есть дивизия, есть, — говорили бойцы. — Верно, сибирская. Верно, состоит из охотников. Вот она — дивизия, — и показывали на солдата Егора Петрова.

Улыбался Петров: не про каждого скажешь, что он — дивизия.

Егор Петров действительно был из Сибири, действительно был охотником, действительно стрелок он на редкость меткий. Служил Егор Петров в 1100-м стрелковом полку 327-й стрелковой дивизии на Волховском фронте. Прибыл он из Якутии. Якут по национальности. Прошло немного времени, стал Егор Петров прославленным на весь Волховский фронт снайпером.

Не зря боялись фашисты Петрова, не зря считали, что под Ленинград целая дивизия сибирских охотников прибыла. Подбирался Петров к самым фашистским окопам. Ступал тихо — сова не услышит. Маскировался ловко сокол и тот не увидит. И бил из винтовки, конечно, без промаха. Если попадался фашист на мушку, значит, фашисту крышка.

Более ста фашистов уничтожил своими меткими выстрелами снайпер Егор Петров.

Петров не один. Под Ленинградом много было прославленных снайперов. Грозой стрелки-мастера для фашистов стали. Боялись фашисты высунуть нос из окопов. Как суслики, врылись в землю.

Винтовка у Петрова особая — снайперская. Прицел оптический на винтовке. Чистил винтовку боец, лелеял. Словно живая она, ухаживал.

Наступил январь 1943 года. Вместе с другими частями и дивизия, в которой служил Петров, готовилась к наступлению. Встречают как-то солдаты Петрова. Смотрят: вместо снайперской винтовки пулемёт в руках у Петрова.

— Что такое? — спрашивают солдаты.

— Пулемёт, — отвечает Петров.

— Зачем пулемёт? Винтовка — твоя стихия!

— Нет. Не то время, — отвечает Петров солдатам. И уточняет: винтовка, мол, есть винтовка. Сделал выстрел — фашист всего лишь один убит. Это хорошо, когда в обороне сидели. Теперь же другое дело. Один выстрел — не тот размах.

Пошёл Петров в наступление пулемётчиком. Но и здесь он остался снайпером.

В двух первых днях наступления уничтожил ещё около ста фашистов.

Гордятся солдаты опять Петровым:

— Так и есть: считай, дивизия целая снова прибыла.

Смутился Петров, краснел: не про каждого скажешь, что он — дивизия.

ГНЕДОЙ

В одном из хозяйственных взводов на Волховском фронте служил солдат-возчик по фамилии Гнедой.

Нельзя на войне без шутки. Потешались солдаты, приставали к солдату:

— Гнедой, как твой гнедой?

А нужно сказать, что конь у солдата действительно был гнедой, то есть тёмно-коричневой масти. Даже имени не имел этот конь. Просто звали его Гнедой.

Солдат Гнедой был по характеру добрый, отзывчивый, однако на редкость вспыльчив.

Конь тоже по характеру был не злым, однако нет-нет да любил лягнуться.

И снова солдатам для шуток место:

— Оба они с копытами.

Нелегко пришлось солдатам на Волховском фронте. Фронт проходил в местах болотистых и лесистых. Снега здесь глубокие. Дороги лесные узкие. Трудно в таких местах развернуться машинам или тяжёлой военной технике. Вот и спасали, несли здесь лошади свою лошадиную службу. На

санях подвозили боеприпасы на передовую, продовольствие. Вывозили раненых.

Конь Гнедой был всегда здесь в первых. Не знал он усталости, не страшился снарядов, бомб. Сам находил после боя раненых.

— Талант, — говорили о нём солдаты.

А вот и ещё одно. Ехал однажды солдат Гнедой узкой лесной дорогой. Вдруг остановился, запрямылся конь.

— Но, но, — погоняет солдат Гнедого. Даже собирался кнутом ударить.

Не сдвинулся конь. Упёрся столбом. Поднялся с саней Гнедой. Видит: у самых саней торчит из-под снега мина.

Вытер пот с головы Гнедой.

— Талант, — произнёс Гнедой.

Весной 1942 года на Волховском фронте стало ещё труднее. Начались паводки и разливы. Куда ни ступишь — везде трясины.

Нелегко в такую пору подвозить продовольствие. Ещё тяжелее — сено. Начали лошади голодать. Газеты и те жевали.

Позаботились люди о лошадях. На самолётах к ним прибыло сено. На парашютах спустилось с неба.

С той голодной зимы 1942 года конь Гнедой пристрастился к газетам. Когда снова появилось в достатке сено, не изменил он почему-то своей привычки.

Потешались опять солдаты. Гнедого по холке хлопали:

— Ну как там — про что в газетах? Что в них сегодня писано?

Поворачивались к солдату Гнедому:

— Твой Гнедой больше, чем ты, начитанный.

Во время прорыва ленинградской блокады снова в работе лошади. И здесь подвозили боеприпасы, и здесь вывозили раненых. Сорок раненых под огнём фашистов вывез тогда Гнедой.

Когда отмечали в боях отличившихся, солдат Гнедой получил медаль.

И снова острят солдаты:

— Не тот получил Гнедой.

Конечно, понимали солдаты: заслужил справедливо возчик свою награду. Да только любят солдаты шутку. Нельзя на войне без шутки.

Впрочем, и конь получил награду. Гладил коня Гнедой. Протягивал пайку солдатского хлеба.

— Гнедой, Гнедой, — ласково приговаривал.

И солдаты к нему явились. Раздобыли где-то мешок овса.

— Получай, принимай гостинец.

И дальше сражался конь. Уцелел, не погиб на войне. Ветераном-героем домой вернулся.

«НА-А-ШИ!»

Шесть дней вгрызались наши войска в оборону фашистов. Наступает Ленинградский фронт. Наступает Волховский. Прогибается, рушится фашистская оборона.

Шёл седьмой день боёв южнее Ладожского озера.

Группа солдат-разведчиков одной из дивизий Ленинградского фронта вышла в разведку. В белых маскировочных халатах идут солдаты. Автоматы в руках. Под халатами на солдатских ремнях — гранаты.

Среди солдат один новенький — рядовой Точилин. Всё интересно молодому солдату. Впервые идёт в разведку. Идёт, об одном мечтает: вот бы схватить «языка».

— Схватим? — спрашивает новичок у бывалых.

Старший над группой сержант Муса Дзенгазиев. С тем же вопросом солдат к сержанту:

— Схватим, товарищ сержант?

— Схватим, схватим, — сказал Дзенгазиев. — Боем возьмём, коль надо.

Прошагали солдаты замёрзшим болотом. Ели пошли, осины. Сугробы слева, сугробы справа. Лесная идёт дорога. На две разошлась дорога.

Разбились разведчики: группа пошла направо, группа пошла налево. Точилин с группой как раз налево.

Прошли они метров триста, снова на две разошлась дорога. Разбились разведчики: двое пошли налево, двое пошли направо. Точилин и старшина Дзенгазиев свернули как раз направо. Идут между осин и елей. Рвётся вперёд Точилин. Идёт, об одном мечтает:

— Вот бы сейчас схватить «языка».

Улыбнулась судьба солдату.

Прошли они метров пятнадцать. Вдруг за елью мелькнуло что-то. Двинулось что-то. Не что-то, а кто-то. Человека увидел Точилин. Понимает боец: фашист.

— Хенде хох! — закричал Точилин.

— Хенде хох! — понеслось по лесу.

— Наши! На-а-ши! — слышит в ответ Точилин.

Ожили сугробы слева, справа. Как в сказке выросли люди в белых халатах. В руках автоматы. Под халатами что-то топорщится. Понятно — висят гранаты. Любому ясно, что рядом — наши. А он...

— Хенде хох! — ещё громче кричит Точилин.

— Да тише ты, тише, — сказал Дзенгазиев. — Это же наши. Кто вы?

— Разведка. Кто вы?

— Разведка.

Оказалось, встретились две разведки. Разведка Ленинградского фронта и разведка Волховского фронта. Бросились разведчики друг к другу:

— Встретились! Встретились! Ура!

Стоит Точилин. Глазам не верит.

Подхватили волховчане на руки Точилина. Подбрасывают вверх:

— Встретились! Встретились! Ура!

Подлетает Точилин высоко-высоко, чуть ли не до самых еловых макушек.

— Вот тебе и «хенде хох»! — смеётся Дзенгазиев.

Многие группы разведчиков встретились в этот день. Было 18 января 1943 года. Завершили в этот день войска Ленинградского и Волховского фронтов прорыв ленинградской блокады. Встретились. Соединились.

ЗАГАДОЧНЫЙ ТАНК

За день до полного соединения советских войск южнее Ладожского озера произошла здесь необычная встреча.

На одном из участков Волховского фронта появился фашистский танк. Был он почему-то один. Шёл на повышенной скорости. Открыли по фашистскому танку огонь полковые пушки Волховского фронта. Молодцы пушкари, умельцы.

Выстрел. Ура! Попали.

Но что такое? Не тронул снаряд фашиста. Продолжает идти махина.

Снова выстрел. Ура! Попали.

И снова снаряд не осилил танка.

— В бок бей фашиста! — дана команда.

Ударили в борт артиллеристы.

Выстрел. Выстрел. Ура! Попали.

Не взяли снаряды и в борт врага.

Поражаются артиллеристы. То ли снаряды у них с дефектами. То ли у пушек несильный бой. Присмотрелись к танку. Так ведь и танк не совсем обычный. Больше обычного. Форма совсем иная. Понимают солдаты: загадочный танк, новый какой-то танк.

Продолжает свой рейд неприятельский танк. Снова встретил он наши пушки. И эти пушки открыли огонь по танку. Метко стреляли артиллеристы.

Выстрел. Выстрел. Ура! Попали.

Но и тут не подбили наши полковые пушки фашистский танк. Не берут почему-то его снаряды. Крупнее калибром нужны здесь пушки. И всё же дрогнул перед пушками неприятельский танк. Нервы у фашистов, видать, не выдержали. Стал танк уходить от огня. Стал маневрировать. Свернул чуть с дороги. И тут угодил он в торфяник. Стал оседать в трясины.

Принялись фашисты спасаться, бежать из танка. Однако погибли от наших пуль. Подошли советские солдаты, посмотрели. Среди убитых лежал фашистский генерал.

— Генерал? — переглядываются солдаты.

— Генерал!

— Вот так птица сидела в танке.

Ясно солдатам: необычный, конечно, танк.

Вытащили солдаты тягачами танк из торфяника, отправили в штаб к начальству. Командующий Волховским фронтом генерал армии Кирилл Афанасьевич Мерецков осмотрел неприятельский танк. Представитель Ставки Верховного Главнокомандования генерал армии Георгий Константинович Жуков осмотрел неприятельский танк. Новый какой-то танк.

Отправили танк в Москву. Оказалось, что пленённый Волховским фронтом танк был фашистским танком самой последней марки. «Тигром» назвали его фашисты. Очень надеялись фашисты на новый танк. К новым боям готовили. Здесь, под Ленинградом, танк проходил испытания.

Не завершили фашисты его испытание. Лишились танка. Зато наши военные инженеры в Москве отлично его изучили. Узнали слабые места танка. Нашли пути, как бороться с «тигром».

Вскоре грянула грозная Курская битва. К этой битве и готовили «тигр» фашисты. Грянула битва. Не испугались наши. Знали уже о новом фашистском танке.

ПОРОЖКИ

Прорвали наши войска в январе 1943 года южнее Ладожского озера фашистский фронт, проббили брешь в ленинградской блокаде. Однако сил, чтобы полностью разбить фашистов и отогнать их от Ленинграда на многие километры у нас ещё не хватило. Ещё почти год фашисты стояли у Ленинграда.

Многое свершилось за этот год. Продолжались победы Советской Армии.

Фашисты были разбиты в упорном сражении под городом Курском и под городом Киевом, в огромном сражении на Днестре. Началось новое

наступление и под Ленинградом. Войсками Ленинградского фронта командовал генерал (вскоре он стал Маршалом Советского Союза) Леонид Александрович Говоров.

14 января 1944 года советские войска перешли в наступление.

К этому времени фашисты уже не мечтали захватить Ленинград. Их задача теперь — удержаться на старых позициях. Укрепили они позиции. Создали крепкую оборону. Построили специальные огневые точки. Это пулемёт или пушка, укрытые от наступающих железобетонным колпаком. Толщиной в метр и более были стены у этих укрытий. Прорвать такую оборону и предстояло советским солдатам.

И вот пошли войска в наступление. Вгрызлись они в оборону врага. Завязали бои с фашистами.

Ждёт генерал Говоров, ждут другие генералы на командном пункте фронта первых сообщений от наступающих войск. Вот оно, поступило наконец первое сообщение.

Держит генерал Говоров трубку полевого телефона, слушает. Потеплело лицо. Улыбнулся. Значит, вести хорошие.

— Так, так, — изредка приговаривает Говоров.

Слушает, слушает. Но вот чего-то не разобрал.

— Как, как? — переспросил. — Повторите, — попросил.

Повторили. Пожал Говоров плечами. Видимо, опять что-то не очень ясное. Вновь повторили.

— Ах, название. Теперь понятно, — сказал Говоров. — Значит, селение так называется?

— Так точно, товарищ командующий, селение, — слышалось в трубке.

Закончил Говоров разговор, повернулся к своим помощникам:

— Поздравляю, товарищи, первый успех наметился. А вот и первый трофей, — генерал сделал паузу, посмотрел на помощников. — Порожки.

— Что порожки? — кто-то не понял.

— Порожки. Деревня с названием Порожки, — сказал Говоров. — Вот первый населённый пункт, который взят в наступлении нашими войсками.

— Порожки! — вырвалось у генералов.

— Порожки, — повторил Говоров. Улыбнулся: — Ну что же — если порожки перешагнули, можно и дальше.

Пошло гулять по фронту:

— Перешагнули через порожки. Переползли.

— Переехали.

— Через порожки прыгнули.

Пошли войска за Порожки дальше. Ударили с севера, ударили с востока. Стремительно развернулось наступление советских войск. Прорвали они полностью фашистскую блокаду Ленинграда. Погнали врага на запад. Пошли богатырским шагом.